

ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

В статье проанализирован ряд проблемных зон в социологическом понятии “власть”. Проанализированы концепции власти как универсального социального феномена, которые представляют стремление к власти как потребность, характерную для каждого человека. Также в статье рассмотрены социологические определения понятия “власть” и предложена авторская трактовка этого термина, которая позволяет оперировать измеряемыми показателями (решение, действие, результат) при изучении данного социального явления.

Keywords: power, social relations, social phenomenon, a sociological concept.

Ключові слова: влада, соціальні відносини, соціальний феномен, соціологічне поняття.

Ключевые слова: власть, социальные отношения, социальный феномен, социологическое понятие.

Власть во всем многообразии своих проявлений является, пожалуй, одним из самых исследуемых гуманитарными науками социальных феноменов. Ф.Ницше провозглашал главным двигателем истории “ненасытное стремление к власти, использование власти как творческого инстинкта” [13]. Властные отношения пронизывают социум, как верно отмечал М.Фуко [15, с. 67], от индивидуального до наднационального уровня (что особенно актуально в условиях глобализации). Э.Гидденс называл власть всепроникающим явлением социальной жизни. Он считал, что власть должна быть признана первичным понятием в социологическом анализе, поскольку она определяет все остальные отношения [6, с. 195]. Украинский социальный психолог В.Васютинский среди наиболее заметных достоинств и недостатков людей, которые зани-

мают ведущие позиции в мотивации их поведения, назвал половое влечение и стремление к власти [3, с. 6]. О власти в том или ином контексте написано огромное количество трактатов, книг, статей, исчисляемое десятками тысяч наименований. Подробное изучение всего интеллектуального наследия человечества о власти (при этом стремительно обновляемого едва ли не ежедневно) вряд ли под силу не только одному исследователю, но и целым научным учреждениям. Кроме того, огромный спектр проявления власти (от прямого доминирования до информационного влияния, от власти традиций до власти инноваций, всех уровней власти и т.д.) делает эту задачу фактически невыполнимой. Однако это, с нашей точки зрения, совершенно не сужает поле теоретического осмысления власти. Формы власти меняются параллельно с изменением форм социальных отношений. Она пережила свою эволюцию от биосоциального силового доминирования до “soft power” культурно-информационного влияния на глобальном уровне. Теоретическое понимание власти даже в XX в., не говоря даже о более ранних периодах, уже не соответствует ее нынешнему состоянию, что является научной проблемой. Ее решение вряд ли возможно в рамках одной публикации, поэтому целью данной статьи является обозначение отдельных наиболее проблемных сегментов понятия “власть”.

Власть является одним из первичных элементов, обеспечивающих упорядочивание взаимоотношений и взаимодействий между людьми. Поскольку власть берет свое начало от доминирования, распространенного в животном мире, то мы вправе отметить ее биосоциальные корни и естественность, универсальность для любых объединений людей – от микрогрупп до глобальных образований. Как отмечал А.Конфисахор, “сущность власти... заключена в самих индивидах и заложена в природе человека” [8, с. 15].

Если А.Адлер показывает стремление к власти как механизм, компенсирующий недостаточность человека в чем-либо [1, с. 233], то другим исследователям власть (в той или иной форме своего проявления) представляется

как механизм проявления и установления личного доминирования и лидерства, характерный для каждого человека без исключения. Любая социальная общность рано или поздно иерархизируется, в ней появляются лидеры и аутсайдеры, обладающие властью и подчиняющиеся ей. В любом случае ниша власти (причем какой угодно – политической, духовно-идеологической, экономической и т.д.) будет неизбежно кем-нибудь занята. Рассматривая власть как потребность, российский исследователь В.Яшуткин высказал предположение, что “власть в состоянии дефицита является потребностью, а в своем наличии – это средство удовлетворения потребностей” [17]. Но почему стремление к власти не проявляется у людей постоянно? Механизмы лидерства, обеспечивающие первичное расслоение, впоследствии отходят на второй план, власть лидеров трансформируется во власть управленцев. Социальная структура стабилизируется и институционализируется, обрастая правилами и нормами. Однако стоит обществу (или любому другому социальному образованию) войти в фазу институциональных изменений, сразу же появляются отдельные индивидуумы и группы, претендующие на перераспределение власти, благодаря освобождению от рамок прежнего институционального порядка.

Разумеется, что стремление к власти проявляется в поведении людей далеко не всегда, поскольку оно ограничено как внешними, так и внутренними факторами. Во многом этот механизм и его использование зависит, во-первых, от личностных характеристик (можно предположить, что у каждого человека будет свой внутренний предел властных притязаний, условно “порог власти”). И именно поэтому политико-властные элиты на начальных этапах своего формирования состоят из определенных личностных типов. Личности с более высоким уровнем стремления к личному доминированию и лидерству способны завоевать власть, но только личности с высоким порогом властных притязаний (или “волей к власти” по Ф.Ницше) способны не только завоевать, но и удержать

ее в своих руках (что гораздо сложнее). И уже после институционализации власти и усложнения конфигурации властных отношений любая иерархия наполняется разными личностными типами. Поскольку расширяются рамки вероятности попадания во власть людей в соответствии с их приписываемыми социальными статусами, в то время как приобретенные (достигаемые) статусы начинают играть не первостепенную роль. Кроме того, разные личностные типы могут быть востребованы для решения тех или иных задач в инфраструктуре власти. Если человек с выдающимися лидерскими качествами вряд ли сможет долго и безупречно исполнять рутинную управленческую работу, то маловероятно и то, что бюрократ сможет повести за собой массы.

Во-вторых, общество накладывает свои ограничения на поведение людей. Поэтому это стремление к превосходству и доминированию, берущее свои начала от биосоциальных форм установления иерархий, может быть ограничено социальными нормами и правилами. Поэтому в институционализированных обществах, где каналы восходящей вертикальной мобильности существенно сужены, личностные качества уже имеют далеко не первостепенную роль в борьбе за власть. Соответственно, далеко не все индивидуумы с высоким уровнем “инстинкта власти” могут преодолеть социальные барьеры. Они задерживаются на каких-либо уровнях социальной и властной иерархии, принимают “правила игры”, ограничивают свои притязания в соответствии с этим уровнем, на основании чего формируются и стабилизируются их установки и поведение. Другим видом ограничений являются моральные правила, которые были восприняты и утвердились в сознании конкретного индивидуума в процессе его социализации. Таким образом, мораль (правила) и прописанные на ее основе законы (нормы), существенно ограничивая биосоциальный “инстинкт власти” в поведении людей, сами являются одним из механизмов власти. Поощрение за соблюдение норм и санкции за их нарушение позволяют

большую часть времени удерживать стремление к власти в строгих рамках и направлять его в определенные каналы социальной активности, не представляющих угроз для сложившегося социального порядка или же способствующих его развитию. Однако стоит только оказаться какому-либо сообществу людей вне зоны социального контроля и действия норм, “инстинкт власти” незамедлительно проявляет себя. И, если он не может быть сдержан правилами “прежней” морали, то вполне способен обрести разрушительный характер, в хаосе которого будет формироваться новый иерархический порядок.

И, наконец, в-третьих, наряду с извечным стремлением к доминированию и лидерству люди имеют и психологическую предрасположенность к подчинению [2]. Оба эти иррациональных начала соединяются в психике каждого человека в определённых пропорциях. В социальной жизни они начинают обретать рациональные обоснования в конкретных ситуациях. Можно предположить, что обе эти предрасположенности взаимодополняют друг друга в соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. И даже могут играть компенсаторную роль в условиях чрезмерного преобладания одного и/или неудовлетворенности другого начала.

Следует также отметить, что в данном описании предрасположенности к доминированию и подчинению вряд ли стоит принимать во внимание их крайние формы проявления, как, например, гипертрофированно-маниакальное стремление к власти или же, наоборот, фанатично-восторженное поклонение какому-либо лидеру. И то, и другое, безусловно, является психическим отклонением как для отдельного человека (как уверждал А.Адлер [1]), так и для масс с характерными для них проявлениями “психологии толпы” в соответствии с терминологией Г.Лебона [9]. Кроме того, такие проявления достаточно редки. В то же время наблюдение этих психологических основ отношения к власти, что, безусловно, требует своего дальнейшего осмысления, может быть полезно для более разностороннего понимания феномена власти с позиций со-

циологии. Поскольку, во-первых, власть является исключительно человеческим феноменом, который не существует без своих носителей [8, с. 15]. Во-вторых, от характера носителей власти зависит ее конфигурация. Формы и механизмы власти с микроуровня зачастую экстраполируются, переходят и закрепляются на более высоких уровнях социальных отношений. Особенно это характерно для “эпох перемен”, когда “паралич деятельности социальных институтов... компенсируется активностью элит” [16, с. 6], которые принимают на себя функции установления и коррекции правил игры.

Изменение и усложнение форм социальных организаций и взаимоотношений внутри них и между ними не меняет главный стержень властных отношений – иерархические отношения (иногда и в скрытой форме) между подчиняющим и подчиняющимся, управляющим и управляемым. А также не меняет сути главной функции власти – обеспечение порядка (какого именно и в чьих интересах в данном случае является вопросом второстепенным) и исполнение объектом действий, к которым его простимулировал субъект властных отношений. Однако следует отметить, что, несмотря на давнюю историю исследований власти, единой трактовки понятия нет до сих пор. Более того, терминология гуманитарных наук относительно власти не лишена определенных противоречий. Первое, что бросается в глаза, это вопрос, что подвластно – что имеют в виду подвластье – явление или субъект? Это было точно замечено украинским политологом Ф.Рудичем в монографии “Много ли власти нужно власти?” [14]. Ведь под властью можно понимать не только ее носителей, индивидов или группы, которые непосредственно осуществляют властные функции, что достаточно распространено и на бытовом уровне, и в информационном пространстве, и в самой политической риторике, но и организации, институты, форму и содержание отношений, механизмы и многое другое, а это требует четких разграничений и уточнений, в первую очередь, со стороны самого исследователя.

Во-вторых, уже сам дословный перевод греческого слова “*kratos*” (быть в состоянии, мочь, иметь возможность)

задает фон нечеткости, размытости понятия “власть”. Поскольку европейская философия во многом отталкивалась от учений Платона и Аристотеля, это не могло не отразиться на понятийном аппарате. Так, основоположник социологической теории власти М. Вебер отмечал “социологическую аморфность” этого понятия. Но и его определение власти, предложенное в работе “Основные социологические понятия”, также не лишено этого изъяна. По определению Вебера, “власть означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан” [4, с. 137]. Во-первых, в данном определении Вебера стоило бы курсивом отметить слово *шанс*, исходно подразумевающего вероятность конечного итога такого осуществления своей воли субъектом. Во-вторых, сам Вебер отмечал, что “все мыслимые качества человека... могут позволить ему осуществить свою волю в некоторой ситуации” [4, с. 137]. Поэтому им было введено понятие “господство”, которое, по мнению немецкого социолога, должно быть более точным. И именно изучению господства и его типов М. Вебер уделил большее внимание, чем социологически аморфному понятию “власть”.

Даже в условиях современного развития науки к понятию власти остается достаточно много вопросов без внятных ответов. Приведем лишь некоторые проблемы теоретического понимания власти, отмеченные в работе российского исследователя В. Ледеяева [10, с. 7].

1. Власть – это потенциал, его осуществление, атрибут, отношение или действие?

2. Что является непосредственным объектом воздействия власти: интересы, преференции, поведение, сознание, выбор деятельности, их комбинация?

3. Кто является субъектом власти: индивиды, группы, организации или же социальные структуры и системы?

Погружение в проблематику теорий власти позволяет видеть нерешенность многих вопросов, отсутствие единых и общепринятых “знаменателей” в трактовках понятий. Что объясняет отношение к понятию власти не только как

к “социологически аморфному”, по выражению М.Вебера. Спустя 70 лет Дж.Марч назвал власть “разочаровывающим понятием” [Цит. по: 10, с. 10]. Такое эмоциональное отношение к научному конструкту может быть оценено исследователем, предпринявшим попытку систематизации разных понятий власти и подведения их под общий знаменатель. Например, в известной книге польского социолога приводится шесть наиболее распространенных определений власти в немарксистской социологии [5, с. 158]:

1. Бихевиористские – особый тип поведения, основанный на возможности изменять поведение других людей.

2. Телеологические – достижение определенных целей, получение результатов.

3. Инструменталистские – возможность использования определенных средств, в т.ч. насилия.

4. Структуралистские – особый род отношений между управляющим и управляемым.

5. Определения власти как влияния.

6. Конфликтное – принятие решений, регулирующих распределение благ.

При этом совершенно нельзя исключать из зоны исследовательского внимания марксистскую трактовку политической власти как организованного насилия одного класса для подавления другого [12, с. 447].

В одной из наиболее обширных энциклопедических социологических статей о власти дано шесть вариантов ее понимания [7, с. 153]:

1. способность или потенциальная возможность людей принимать решения, оказывающие влияние на деятельность других людей;

2. механизм осуществления решений, инструмент координации деятельности людей в обществе;

3. производительная или преобразующая способность социальных структур, существующая независимо от воли индивидуальных акторов;

4. система властных органов;

5. лица, облеченные полномочиями;

6. совокупность отношений социальных субъектов.

Полагаем, этот список можно продолжать, предлагая рассматривать власть и как ресурс, и как коммуникацию, и как символический и смысловой ряды в сознании людей. Что, в конечном итоге, вряд ли будет способствовать уточнению понятия власти, а только сделает его еще более “социологически аморфным” и еще более усугубит разочарование в нем исследователей.

Таким образом, нынешнее состояние категориального аппарата социологии политики требует определенной коррекции. Решение этой задачи было бы возможным или путем отказа от единого определения термина “власть”, признание наличия множества властей (власть государственная, власть авторитета, власть информационная, власть экономическая и т.д.). Или необходимо работать с определениями, которые позволят проверить эмпирически проявление власти в определенной сфере социальных отношений и конкретных ситуациях. Из этого перечня сразу следует исключить организационное (как системы властных органов) и элитаристское (как лиц, облеченных властными полномочиями) понимания власти. Малофункциональными (для эмпирической проверки) выглядят определения, связанные с потенциальными возможностями и способностями. С нашей точки зрения, *власть – это, прежде всего, общественные отношения, основанные на подчинении объекта субъектом власти, результатом которых есть преобразование социальной реальности и изменение действий других людей*. Конечно же, такое определение в большей степени подходит для понимания властных отношений между людьми (власть структур будет иметь иное определение). Следует отметить, что наша трактовка понятия “власть” не противоречит требованиям к общему определению власти, выведенных Е.Вятром. По его мнению, общее определение власти должно включать четыре обязательных элемента: 1) не менее двух партнеров отношений власти; 2) приказ осуществляющего власть; 3) подчинение приказу; 4) общественные нормы, устанавливающие правомочность приказа [5, с. 161]. Не менее важными элементами власти, с нашей точки зрения, явля-

ются намерение (цель, решение) и результат. Таким образом, можно очертить схему реализации власти: намерение (цель, решение) – действие (через подчинение объекта субъектом власти) – результат.

В современных условиях развития социальных отношений прямые властные директивы уступают механизмам опосредованного (и часто незаметного) воздействия, не менее эффективно изменяющего социальную реальность и поведение людей. Как отмечал С.Льюкс, обосновывая свою трехмерную модель власти, в современных условиях сфера власти не ограничивается только поведением, а включает в себя и контроль над ценностями и убеждениями [11, с. 27, 45]. Это позволяет добавить к жестко-директивному “приказу”, как обязательному элементу общего определения власти, еще и “влияние” в разных его формах.

Таким образом, резюмируя изложенные выше результаты осмысления понятия “власть”, мы бы хотели подчеркнуть значение трактовки власти как универсального, естественного и неизбежного для социальных отношений феномена. В то же время, несмотря на универсальность данного социального явления, единого и общепринятого определения его нет до сих пор. Нами было предложено определение власти, подразумевающее решение, действие и конкретный результат. С нашей точки зрения, именно такой подход позволяет изучать власть более предметно, с конкретно измеряемыми показателями, тем самым избавляя ее от “социологической аморфности”.

Литература

1. Адлер А. Психология власти // Психология и психоанализ власти : Хрестоматия: в 2 т. / Адлер А. – Самара : Изд. дом “БАХРАХ”, 1999. – Т. 2. – С. 233–238.
2. Адорно Т. Авторитарная личность // Психология и психоанализ власти : Хрестоматия: в 2 т. / Т. Адорно. – Самара : Изд. дом “БАХРАХ”, 1999. – Т. 2. – С. 239–244.
3. Васютинський В. Інтеракційна психологія влади / Васютинський В. – К. : Інститут соціальної та політичної психології АПН України, 2005. – 492 с.

4. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология : Антология : в 2 ч. / Вебер М. М. – М. : Книжный дом “Университет”, 2002. – Ч.1. – С. 70–147.
5. Вятр Е. Социология политических отношений / Вятр Е. – М. : Прогресс, 1979. – 464 с.
6. Гидденс Э. Социология / Гидденс Э. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
7. Ирхин Ю.В. Власть / Ю.В.Ирхин, Г.Г.Пирогов // Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд. – М. : Мысль, 2003. – Т. 1. – С. 153–156.
8. Конфисахор А.Г. Психология власти / Конфисахор А.Г. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – СПб. : Питер, 2004. – 235 с.
9. Лебон Г. Психология народов и масс / Лебон Гюстав. — М. : Академический проект, 2011.— 238 с.
10. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / Ледяев В.Г. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
11. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / С.Льюкс ; пер. с англ. А. И. Кырлежева ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с. — (Политическая теория).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К.Маркс, Ф.Энгельс: – [2-е изд.]: В 50 тт. – Т. 4. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1955. – С. 419–459.
13. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ницше Ф. – М. : REFL-book, 1994. – 352 с.
14. Рудич Ф.М. Много ли власти нужно власти? Украина в контексте трансформации политических систем в странах СНГ и Балтии, Центральной и Восточной Европы / Рудич Ф.М.– К. : Наукова думка, 2009. – 304 с. – (Проект “Наукова книга”).
15. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Фуко М. – М. : Праксис, 2002. – 384 с. – (Серия “Новая наука политики”).
16. Шульга М. Правляча еліта сучасної України. [Аналітична доповідь №10]. / М.Шульга, О.Потехін, Н.Бойко, О.Парахонська, Т.Шульга. – К. : Інститут соціології НАН України, Український центр досліджень миру, конверсії і конфліктних ситуацій, 1998. – 68 с.
17. Яшуткин В.А. Власть: общая категориальная характеристика (социально-психологический контекст) / В.А.Яшуткин // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия “Гуманитарные науки”. – 2007. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/97364/>